

Д. В. Двуречинский
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

КОНКЛЮДЕНТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И БЕЗДЕЙСТВИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Наряду с устными и письменными процессуальными действиями в цивилистическом процессе выделяются конклюдентные действия (бездействия). С опорой на учение о конклюдентных действиях (бездействиях) в гражданском праве выделяются признаки указанного правового института, приводятся примеры конклюдентных процессуальных действий (бездействия). В частности, процессуальные действия (бездействия), совершенные в конклюдентной форме, отличает опосредованность воли на порождение соответствующих процессуальных последствий.

В отношении конструкции нормы ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, предполагающей признание невыгодного стороне факта при ее пассивном поведении (неоспаривании утверждения процессуального оппонента), обосновывается тезис о том, что по смыслу указанного процессуального правила суду индифферентна направленность воли лица на признание факта. Подчеркивается, что презумпции и фикции представляют собой самостоятельные правовые инструменты, которые решают определенные локальные задачи, связанные с доказыванием; при этом в отличие от конструкции конклюдентного бездействия оперирование презумпциями и фикциями не предполагает в качестве конституирующего признака учет волеизъявления спорящих сторон.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, процессуальные действия, конклюдентные действия, бездействие, презумпции, фикции

Для цитирования

Двуречинский Д. В. Конклюдентные действия и бездействие в цивилистическом процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 74–82. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_74.

УДК 342.93

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_74

Процессуальные действия являются основными юридическими фактами, с которыми нормы процессуального права связывают правовые последствия [Зейдер 1965: 62–63; Чечина 2021: 62–65]. В доктрине цивилистического процесса под процессуальными действиями понимается результат осуществления субъектами гражданских процессуальных правоотношений процессуальных прав и исполнения обязанностей [Васьковский 2016: 581–603; Клейнман 1967: 24; Чечот 2005: 91].

Единство устности и письменности судопроизводства как один из принципов процесса [Гражданский процесс 2022: 66–67] предопределяет форму совершения процессуальных действий. Как указывал Н. В. Щеглов,

«...строгое соблюдение формы процессуального действия обеспечивает четкость процесса, ясное представление субъектов процесса о совершенном действии и вытекающих из него процессуальных правах и обязанностях, облегчает контроль за правильностью возникновения, развития и прекращения процесса и повышает его воспитательное значение» [Щеглов 1966: 85]. Соответствующая форма процессуального действия может быть предусмотрена законом, и в таком случае ее соблюдение является обязательным для субъектов процесса.

Большинство процессуальных действий совершаются в письменной форме, а с внедрением в процессуальную ткань инфор-

мационных технологий – и в электронной форме [Брановицкий 2018; Незнамов 2019; Ткачева 2022]. Например, итоговый судебный акт по делу в силу прямого указания закона излагается в письменной форме или в форме электронного документа (ч. 1 ст. 197 ГПК РФ, ч. 1 ст. 169 АПК РФ). Предъявление иска предполагает обязательное его облечение в письменную форму или в форму электронного документа (ч. 1 ст. 131 ГПК РФ, ч. 1 ст. 125 АПК РФ).

При наличии прямого указания закона либо при отсутствии предписания об обязательном письменном способе выражения процессуальные действия могут совершаться в устной форме с обязательной фиксацией в протоколе и аудиозаписью судебного заседания [Сахнова 2014: 70]. Например, наделение полномочиями представителя в процессе может происходить путем соответствующего устного заявления доверителя, которое заносится в протокол судебного заседания (ч. 6 ст. 53 ГПК РФ). Протокольные определения выносятся судом устно в зале судебного заседания с обязательной фиксацией в протоколе судебного заседания (чч. 2, 5 ст. 184 АПК РФ).

Кроме того, в научной литературе высказываются мнения о выделении так называемых конклюдентных действий или процессуальных действий, совершенных в конклюдентной форме [Афанасьев 2011b; Ярков 2012: 108].

Стоит отметить, что единой концепции конклюдентных процессуальных действий в отечественной науке цивилистического процесса не выработано. С. Ф. Афанасьев обращает внимание на то, что процессуальные конклюдентные действия в системе технико-юридических приемов, используемых судами при рассмотрении гражданских дел, пока в теории суть *terra incognita* [Афанасьев 2011b: 85], чего нельзя сказать о цивилистике, в которой проблема конклюдентных действий весьма основательно исследована в рамках учения о гражданско-правовых сделках.

Конклюдентные действия традиционно анализируются в рамках вопроса о формах сделок [Анненков 1899: 408; Синайский 1914: 164]. В отличие от устной и письменной формы сделок, при которой волеизъявление выражается непосредственно в виде речи (устной или письменной), конклюдентный

способ волеизъявления состоит в косвенном (опосредованном) выражении воли субъекта через действия («скрытные действия» [Мейер 2021: 201]), которые не выражают намерение (волю) лица прямо, а только дают возможность судить по ним о его намерении (воле) [Шершеневич 2023: 124]. Г. Ф. Шершеневич приводил следующий пример: «...Если наследник не заявляет прямо о своем желании принять наследство, а вступает в распоряжение им, платит долги наследодателя, пользуется имуществом в свою пользу, то это может быть истолковано только в смысле принятия...» [Там же: 124].

Отталкиваясь от понимания конклюдентных действий в гражданском праве, можно обозначить ключевые признаки, которым должно соответствовать процессуальное действие, чтобы именоваться конклюдентным: во-первых, оно должно быть совершено в форме *активного* действия, во-вторых, оно должно представлять собой такое волеизъявление, которое выражает волю *косвенно* (опосредованно), позволяя другим субъектам, которые ее воспринимают, заключить, что воля на порождение соответствующих правовых последствий выражена.

В процессе независимо от способа выражения (письменный или устный) все процессуальные действия совершаются в рамках процессуальной формы, императивные нормы которой определяют их содержание, условия и правовые последствия. Обязательным участником процессуальных правоотношений является суд [Гурвич 1955: 47; Гурвич 1975: 19; Юдельсон 1956: 10; Шакарян 1970: 131]. Именно суд совершает все основные процессуальные действия [Курс советского гражданского процессуального права 1981: 236–237; Щеглов 1966: 27–29; Ярков 2012: 48–50]. Однако допустить, что процессуальные действия суда имеют конклюдентный характер, вряд ли возможно: правоприменительная деятельность не может предполагать косвенного или опосредованного волеизъявления органа правосудия. Применительно к *facta concludentia* в процессе суд является, скорее, своеобразным «адресатом» процессуальных действий, поэтому заострим внимание на конклюдентных действиях лиц, участвующих в деле.

Процессуальные действия как форма реализации прав и обязанностей участвующих в деле лиц порождают вполне определен-

ные процессуальные последствия. Например, предъявление иска влечет возбуждение производства в суде первой инстанции, признание иска – удовлетворение исковых требований, заключение сторонами мирового соглашения – прекращение производства по делу. Такая последовательность (воля – прямое волеизъявление – процессуальные последствия) характерна для большинства процессуальных действий.

Однако некоторые действия или совокупность действий в процессе, помимо прямого процессуального эффекта, воля на который выражается непосредственно, могут одновременно порождать побочные процессуальные последствия, воля лица на которые выражается косвенно.

Например, С. Ф. Афанасьев усматривает конклюдентное значение в предоставлении сторонами доказательств на стадии судебных прений, которое ставит орган правосудия в известность об их желании возобновить рассмотрение дела по существу (ст. 191 ГПК РФ) или в отказе от замены ненадлежащего ответчика, который указывает суду на волю истца на продолжение судебного разбирательства, даже если это повлечет отказ в удовлетворении заявленных требований (ст. 41 ГПК РФ) [Афанасьев 2011а: 33–34].

К приведенным примерам можно добавить и иные. В частности, признание ответчиком компетенции государственного суда при наличии третейского соглашения может быть выражено посредством совершения конклюдентных процессуальных действий. Если между сторонами заключено третейское соглашение, однако иск предъявлен в государственный суд, ответчик вправе либо прямым волеизъявлением заявить о несогласии с подведомственностью, и тогда исковое заявление будет оставлено без рассмотрения, либо начать спорить по существу и таким образом косвенно выразить своим процессуальным поведением согласие на рассмотрение дела именно государственным, а не третейским судом (п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК, абз. 6 ст. 222 ГПК РФ). В последнем примере процессуальные действия ответчика сами по себе порождают процессуальные последствия как совершенное в устной или письменной форме волеизъявление и одновременно создают побочный процессуальный эффект как конклюдентные действия.

Полагаем, что именно с точки зрения конклюдентных действий следует рассматривать позицию Верховного Суда РФ, который указывает, что «если в арбитражном суде первой инстанции ответчик не заявлял довод о несоблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора, то данный довод не может быть рассмотрен в качестве основания для отмены судебных актов в арбитражном суде апелляционной или кассационной инстанции» (п. 18 Обзора практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г.). Иными словами, если суд первой инстанции по каким-либо причинам не отреагирует на факт несоблюдения истцом досудебного порядка урегулирования спора (п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ предписывает в подобных случаях выносить определение об оставлении искового заявления без рассмотрения), а ответчик прямо не выразит волю на прекращение процессуального правоотношения уже после возбуждения дела, то вся совокупность его (ответчика) процессуальных действий приобретает значение *facta concludentia*, указывающих судам проверочных инстанций на согласие продолжить судебную процедуру, не прибегая к досудебному порядку урегулирования спора.

С точки зрения *facta concludentia* можно рассмотреть и рекомендацию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который высказывал схожую позицию применительно к институту подведомственности, когда сторона либо явно заявляет об отсутствии у арбитражного суда компетенции по рассмотрению дела, либо продолжает спорить по существу, тем самым соглашаясь на рассмотрение дела арбитражным судом [Правовые позиции Президиума ВАС Российской Федерации 2012: 442–443].

Применение конклюдентных действий в процессе не ограничивается указанными случаями. В последнее время авторы все чаще обращаются к конструкции этих действий при анализе так называемого процессуального эстоппеля [Володарский, Кашкарова 2019; Володарский, Кашкарова 2021]. Вместе с тем к вопросу о конклюдентных действиях в процессе следует подходить весьма осмо-

трительно. Далеко не любое процессуальное поведение может рассматриваться в качестве конклюдентного. Так, дискуссионным является мнение В. В. Яркова о конклюдентном значении молчаливого признания в процессе доказывания. Автор пишет, что конструкция нормы ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ «придает правовое значение конклюдентным действиям, поскольку выводит правовые последствия из самого факта несовершения другой стороной действий по опровержению выдвинутых другой стороной обстоятельств» [Ярков 2012: 77].

Если опустить квалификацию несовершенных действий (фактически бездействия) в качестве конклюдентного действия, которое по определению совершается в активной форме, то стоит задаться общим вопросом: действительно ли бездействие в процессе может являться косвенным выражением воли?

В процессуальных правоотношениях наряду с фактами-действиями процессуальные последствия порождает и бездействие участников процесса [Чечина 2021: 64]. Так, пассивность ответчика в осуществлении процессуальных прав и обязанностей в виде неявки в судебное заседание может трансформировать правоприменительный цикл в суде первой инстанции в заочное производство (ст. 233 ГПК РФ). Пассивное процессуальное поведение третьего лица без самостоятельных требований, участвовавшего в деле на стороне, в пользу которой принят судебный акт, является основанием для отказа в возмещении лицу судебных издержек (ч. 4 ст. 98 ГПК РФ, ч. 5.1 ст. 110 АПК РФ). Бездействие заинтересованных лиц в реализации права на апелляционное обжалование судебного акта наряду с истечением конкретного срока становится юридическим фактом в составе, обуславливающим вступление решения в законную силу (ч. 1 ст. 209 ГПК РФ, ч. 1 ст. 180 АПК РФ).

В приведенных примерах бездействие (молчание) как процессуальный юридический факт само по себе порождает процессуальные последствия вне зависимости от того, имелось ли прямое или косвенное волеизъявление пассивной стороны.

О. А. Красавчиков отмечал, что молчание может рассматриваться в качестве отрицательного волеизъявления, при котором отрицается не наличие воли, а наличие ее положительного изъявления [Красавчиков 1958: 100].

Опираясь на это мнение, можно заключить, что в отличие от обычного бездействия, которое влечет процессуальные последствия непосредственно, конклюдентное бездействие должно порождать процессуальные последствия в силу квалификации судом такого бездействия в качестве отрицательного волеизъявления.

Например, в случае заявления прокурором отказа от иска, предъявленного в интересах другого лица, материальный истец может либо прямым волеизъявлением выразить волю на прекращение производства по делу, либо бездействовать, там самым указывая суду на несогласие с отказом прокурора от иска (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, ч. 4 ст. 52 АПК РФ). И наоборот, молчание присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц свидетельствует об их согласии с прекращением процедуры группового производства на основании отказа истца-представителя от иска (ч. 7 ст. 244.24 ГПК РФ, ч. 7 ст. 225.15 АПК РФ). В приведенных

Бездействие (молчание) как процессуальный юридический факт само по себе порождает процессуальные последствия вне зависимости от того, имелось ли прямое или косвенное волеизъявление пассивной стороны

примерах значение отрицательного волеизъявления и конклюдентного факта имеет само молчание – косвенное выражение воли на продолжение рассмотрения дела либо на прекращение производства по делу. Подчеркнем, что первично здесь не само бездействие, влекущее процессуальные последствия, а отраженное в нем косвенное волеизъявление, позволяющее суду с уверенностью заключить, что воля на порождение соответствующих процессуальных последствий выражена.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, может ли молчание в процессе являться косвенным выражением воли, следует согласиться с мнением авторов, которые усматривают в бездействии конклюдентное значение.

Вместе с тем если вернуться к конструкции нормы ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, то необходимо констатировать обратное: ни о каком косвенном волеизъявлении, направленном на признание фактов и обстоятельств, при мол-

чании истца или ответчика в процессе доказывания речи не идет.

В. В. Ярков считает, что «данная статья введена с целью активизации доказательственной деятельности сторон и по сути дела ввела в арбитражный процесс новую презумпцию, в соответствии с которой считаются признанными одной стороной все те обстоятельства, которые выдвинула другая сторона, если они не были ей оспорены» [Ярков 2012: 78]. И. В. Решетникова приводит норму ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ в качестве примера правовой фикции, т. е. предположения о существовании факта вопреки действительности [Справочник по доказыванию в арбитражном процессе 2023: 25]. О. Н. Шеменова усматривает в данной норме как элементы презумпции – вероятного предположения о том, что сторона не оспаривает обстоятельство, поскольку оно реально имело место в действительности, так и фикции – признания существующим заведомо не соответствующего действительности явления [Шеменова 2011].

Не углубляясь в научную дискуссию о квалификации рассматриваемой нормы в качестве презумпции или фикции, обратим лишь внимание на то, что обе эти категории и конклюдентные процессуальные действия (бездействие) – явления разные. С. Ф. Афанасьев, опираясь на мнение Г. Ф. Дормидонтова, указывает, что под фикциями и презумпциями нужно подразумевать приемы, которые оправдывают недоказанные события, а под конклюдентными действиями – способ установления воли [Афанасьев 2010: 57–58]. Презумпции и фикции в процессе представляют собой совершенно самостоятельные инструменты, которые решают определенные локальные задачи – установление недоказанных фактов безотносительно установления воли лица о подобных фактах. Напротив, с помощью конструкции конклюдентного бездействия суд устанавливает действитель-

ную волю лица на порождение соответствующих процессуальных последствий, как если бы такая воля нашла прямое выражение: в случае *facta concludentia* «мы имеем дело с фактом, о существовании которого свидетельствует другой факт как знак или эквивалент его» [Дормидонтов 1895: 54].

Важно, что для применения правила ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ суду индифферентна направленность воли лица на признание фактов; более того, действительная воля такого субъекта вполне может быть прямо противоположной (лицо, очевидно, не желало наступления невыгодных для себя процессуальных последствий при установлении конкретного обстоятельства). Согласимся здесь с Р. О. Опалевым, который справедливо замечает: «Воля ответчика на признание соответствующих обстоятельств при применении ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ не выясняется, поскольку сама по себе она юридического значения не имеет» [Опалев 2013: 41].

На основании изложенного полагаем, что указание на конклюдентный характер волеизъявления применительно к норме ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ не учитывает сущности конклюдентного процессуального бездействия как косвенного выражения воли на процессуальные последствия.

Итак, выделение наряду с письменными и устными не только процессуальных конклюдентных действий, но и бездействия представляется оправданным. Отметим также, что теория конклюдентных действий (бездействия) нуждается в дальнейшей разработке: необходимо уточнить их квалифицирующие признаки, классифицировать по определенным основаниям на виды, четко отграничить от иных внешне схожих правовых явлений, проанализировать действующее российское законодательство на предмет доктринально обоснованного использования указанной конструкции.

Список литературы

- Анненков К. Н. Система русского гражданского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. I: Введение и общая часть. 672 с.
- Афанасьев С. Ф. Использование конклюдентных процессуальных действий при рассмотрении судом гражданских дел // Российская юстиция. 2011а. № 1. С. 31–34.
- Афанасьев С. Ф. К теории процессуальных конклюдентных действий // Вестник гражданского процесса. 2011б. № 1. С. 79–85.

Афанасьев С. Ф. О соотношении признанных и неоспоренных фактов, а также конклюдентных действий в гражданском процессе (на примере части 3.1 статьи 70 АПК РФ) // Юрист. 2010. № 10. С. 55–58.

Брановицкий К. Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24–27.

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппеля: процессуальный аспект // Закон. 2021. № 7. С. 106–116.

Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.

Гражданский процесс: учеб. для студентов юрид. высш. учеб. заведений / отв. ред. В. В. Ярков. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 734 с.

Гурвич М. А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки ВИНУН. М.: Госюриздат, 1955. Вып. 4. С. 44–50.

Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения: Вопросы науки советского гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. М.: РИО ВЮЗИ, 1975. Т. 38. С. 3–34.

Дормидонтов Г. Ф. Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типолит. Император. ун-та, 1895. 176 с.

Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 74 с.

Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерк по истории). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1967. 121 с.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.

Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам / редкол.: П. П. Гуреев, А. А. Добровольский, А. А. Мельников (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1981. 464 с.

Мейер Д. И. Русское гражданское право: курс лекций. М.: Статут, 2021. 846 с.

Незнамов А. В. О классификации цифровых технологий в гражданском процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 27–35.

Опалев Р. О. Основные положения учения о доказывании в российском арбитражном процессе // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 37–41.

Правовые позиции Президиума ВАС Российской Федерации. Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2012. 510 с.

Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. 784 с.

Синайский В. И. Русское гражданское право: в 2 вып. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1914. Вып. 1: Общая часть и вещное право. 331 с.

Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 480 с.

Ткачева Н. Н. Неизбежная трансформация принципа письменности в исковом производстве – эффективная альтернатива и гарантия судебной защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 47–50.

Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения // Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 656 с.

Чечот Д. М. Участники гражданского процесса // Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 616 с.

Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1970. 213 с.

Шеменева О. Н. Неоспоренные обстоятельства в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2. С. 19–22.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Общая часть. М.: Юрайт, 2023. Т. 1. 148 с.

Щеглов Н. В. Гражданские процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1966. 168 с.

Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Даниил Витальевич Двуречинский – аспирант, ассистент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dvurechinsky@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6028-9411

Conclusive Actions and Inaction in the Civil Procedure

Along with oral and written procedural actions, conclusive actions (inaction) are distinguished in the civil procedure. Based on the doctrine of conclusive actions (inaction) in civil law, the signs of this legal institution are identified, examples of conclusive procedural actions (inaction) are given. In particular, it is pointed out that procedural actions (inaction) committed in a conclusive form are distinguished by the mediation of the will to generate the corresponding procedural consequences.

With regard to the construction of the norm of Part 3.1 of Article 70 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, which presupposes the recognition of a fact unfavorable to the party with its passive behavior (non-dispute of the statement of the procedural opponent), the thesis is substantiated that, within the meaning of the said procedural rule, the court is indifferent to the direction of the will of the person to recognize the fact. With regard to presumptions and fictions, it is emphasized that they are independent legal instruments that solve certain local problems related to proof; at the same time, in contrast to the construction of conclusive inaction, operating with presumptions and fictions does not imply as a constituent feature taking into account the will of the disputing parties.

Keywords: will, expression of will, procedural actions, conclusive actions, inaction, presumptions, fictions

Recommended citation

Dvurechinsky D. V. Konklyudentnye deistviya i bezdeistvie v tsivilisticheskom protsesse [Conclusive Actions and Inaction in the Civil Procedure], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 74–82, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_74.

References

Afanas'ev S. F. Ispol'zovanie konklyudentnykh protsessual'nykh deistvii pri rassmotrenii sudom grazhdanskikh del [The Use of Conclusive Procedural Actions in the Consideration of Civil Cases by the Court], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2011a, no. 1, pp. 31–34.

Afanas'ev S. F. K teorii protsessual'nykh konklyudentnykh deistvii [Towards the Theory of Procedural Conclusive Actions], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2011b, no. 1, pp. 79–85.

Afanas'ev S. F. O sootnoshenii priznannykh i neosporenykh faktov, a takzhe konklyudentnykh deistvii v grazhdanskom protsesse (na primere chasti 3.1 stat'i 70 APK RF) [On the Ratio of Recognized and Uncontested Facts, as well as Conclusive Actions in Civil Proceedings (on the Example of Part 3.1 of Article 70 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation)], *Yurist*, 2010, no. 10, pp. 55–58.

Annenkov K. N. *Sistema russkogo grazhdanskogo prava* [The System of Russian Civil Law], Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899, vol. 1, 672 p.

Branovitskii K. L. Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na grazhdanskoe sudoproizvodstvo [The Impact of Information Technology on Civil Proceedings], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2018, no. 7, pp. 24–27.

Chechina N. A. *Grazhdanskie protsessual'nye otnosheniya* [Civil Procedural Relations], Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021, 656 p.

Chechot D. M. *Uchastniki grazhdanskogo protsessa* [Participants in the Civil Procedure], Chechot D. M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005, 616 p.

Dormidontov G. F. *Yuridicheskie fiktsii i prezumptsii. Klassifikatsiya yavlenii yuridicheskogo byta, odnosimyykh k sluchayam primeneniya fiktsii* [Legal Fictions and Presumptions. Classification of the Phenomena of Legal Life Related to the Cases of the Use of Fictions], Kazan, Tipolit. Imperator. un-ta, 1895, 176 p.

Gurvich M. A. K voprosu o predmete nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessa [On the Subject of the Science of Soviet Civil Procedure], *Uchenye zapiski VIYuN*, 1955, no. 4, pp. 44–50.

Gurvich M. A. *Struktura i dvizhenie grazhdanskogo protsessual'nogo pravootnosheniya: Voprosy nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Structure and Movement of Civil Procedural Legal Relations: Issues of the Science of Soviet Civil Procedural Law], *Trudy VYuZI*, 1975, vol. 38, pp. 3–34.

Ivanov A. A. *Pravovye pozitsii Prezidiuma VAS Rossiiskoi Federatsii. Izbrannye postanovleniya za 2009 god s kommentariyami* [Legal Positions of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. Selected Resolutions for 2009 with Comments], Moscow, Statut, 2012, 510 p.

Kleinman A. F. *Noveishie techeniya v sovetskoj nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava (Ocherk po istorii)* [The Latest Trends in the Soviet Science of Civil Procedural Law (Essays on History)], Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1967, 121 p.

Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law], Moscow, Gosyurizdat, 1958, 183 p.

Meier D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law], Moscow, Statut, 2021, 846 p.

Mel'nikov A. A. (eds.) *Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava: Teoreticheskie osnovy pravosudiya po grazhdanskim delam* [The Course of Soviet Civil Procedural Law: Theoretical Foundations of Justice in Civil Cases], Moscow, Nauka, 1981, vol. 1, 464 p.

Neznamov A. V. O klassifikatsii tsifrovyykh tekhnologii v grazhdanskom protsesse [On the Classification of Digital Technologies in Civil Proceedings], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2019, no. 3, pp. 27–35.

Opalev R. O. *Osnovnye polozheniya ucheniya o dokazyvanii v rossiiskom arbitrazhnom protsesse* [The Main Provisions of the Doctrine of Proof in the Russian Commercial Procedure], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2013, no. 4, pp. 37–41.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Spravochnik po dokazyvaniyu v arbitrazhnom protsesse* [Handbook of Evidence in the Commercial Procedure], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 480 p.

Sakhnova T. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa* [The Course of Civil Procedure], Moscow, Statut, 2014, 784 p.

Shakaryan M. S. *Sub"ekty sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Subjects of Soviet Civil Procedural Law], Moscow, Izd-vo VYuZI, 1970, 213 p.

Shcheglov N. V. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniya* [Civil Procedural Legal Relations], Moscow, Yurid. lit., 1966, 168 p.

Shemeneva O. N. *Neosporennye obstoyatel'stva v arbitrazhnom protsesse* [Uncontested Circumstances in the Commercial Procedure], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2011, no. 2, pp. 19–22.

Shershenevich G. F. *Uchebnyy kurs russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law], Moscow, Yurait, 2023, vol. 1, 148 p.

Sinaiskii V. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law], Kyiv, Tip. R. K. Lubkovskogo, 1914, iss. 1, 331 p.

Tkacheva N. N. *Neizbezhnaya transformatsiya printsipa pis'mennosti v iskovom proizvodstve – effektivnaya al'ternativa i garantiya sudebnoi zashchity* [The Inevitable Transformation of the Principle of Writing in the Claim Proceedings is an Effective Alternative and Guarantee of Judicial Protection], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2022, no. 6, pp. 47–50.

Vas'kovskii E. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [The Course of Civil Procedure: Subjects and Objects of the Procedure, Procedural Relations and Actions], Moscow, Statut, 2016, 624 p.

Volodarskii D. B., Kashkarova I. N. K voprosu o retseptsii doktriny estoppelya: protsessual'nyi aspekt [On the Issue of Reception of the Estoppel Doctrine: Procedural Aspect], *Zakon*, 2021, no. 7, pp. 106–116.

Volodarskii D. B., Kashkarova I. N. Protsessual'nyi estoppel' v praktike rossiiskikh sudov (empiricheskii analiz) [Procedural Estoppel in the Practice of Russian Courts (Empirical Analysis)], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2019, no. 5, pp. 61–110.

Yarkov V. V. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2022, 734 p.

Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskoy protsesse* [Legal Facts in the Civil Procedure], Moscow, Infotropik Media, 2012, 608 p.

Yudel'son K. S. (ed.) *Sovetskii grazhdanskii protsess* [Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1956, 439 p.

Zeider N. B. *Grazhdanskoe protsessual'noe pravootnosheniye* [Civil Procedural Legal Relations], Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 1965, 74 p.

Daniil Dvurechinsky – postgraduate student, teaching assistant of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dvurechinsky@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-6028-9411

Дата поступления в редакцию / Received: 01.03.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023